

АРЕСТ И СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД КАРДИНАЛОМ ЙОЖЕФОМ МИНДСЕНТИ В 1948–1949 ГГ. ЧАСТЬ 1. «ОН ХОЧЕТ СТАТЬ МУЧЕНИКОМ, НО Я НЕ ОКАЖУ ЕМУ ЭТОЙ ЛЮБЕЗНОСТИ»

Маргит Балог —

доктор Венгерской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории
Центра гуманитарных исследований
Почтовый адрес: Тот Калман у., 4,
Будапешт, 1097, Венгрия
Электронный адрес: balogh.margit@btk.mta.hu

Аннотация

После Второй мировой войны в Венгрии началась борьба за власть между противниками и сторонниками советской модели общественного развития. В этих условиях единственным независимым институтом оставалась католическая церковь во главе с Эстергомским архиепископом кардиналом Йожефом Миндсенти. Статья посвящена политическому процессу против клирика и показательному суду над ним. 26 декабря 1948 г. князь-примас венгерской католической церкви был арестован по обвинению в государственной измене, подготовке переворота, направленного на свержение республиканского строя, шпионаже и валютных спекуляциях, что является шаблонными обвинениями неугодных в тоталитарных режимах. Все по делу Миндсенти проходило семеро фигурантов, которых можно разделить на три группы: «заговорщики-легитимисты», «предатели-шпионы» и «спекулянты иностранной валютой», обвиненные в финансировании заговора. Мировая общественность с ужасом узнала о взятии под стражу венгерского примаса. Святой престол потребовал от католиков строжайшей дисциплины, запретив вести любые переговоры с венгерским правительством. Сразу после ареста начались допросы кардинала. Вначале он был тверд духом. Более поздние протоколы, однако, свидетельствуют о применении методов воздействия, практиковавшихся Управлением государственной безопасности: тексты подвергались серьезной редакции и пестрят самоговорами. Статья основана на документах из фондов Венгерского национального архива, Исторического архива венгерских спецслужб, Архива примаса (Эстергом), Архива внешней политики Российской Федерации, Национального управления архивов и документации (США) и др.

Ключевые слова

Арест венгерского кардинала, дипломатия, коронация, свержение республиканского строя, мученичество, народный суд, заговор, политические партии в Венгрии, политическая полиция, пропаганда, римско-католическая партия в Венгрии, показательный процесс, папа римский Пий XII, Святой престол

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2020 г.

Цитирование: *Балог М.* Арест и судебный процесс над кардиналом Йожефом Миндсенти в 1948–1949 гг. Часть 1. «Он хочет стать мучеником, но я не окажу ему этой любви» // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2020. Т. 15. № 1–2. С. 73–88.

ARREST AND CONVICTION OF CARDINAL JÓZSEF MINDSZENTY 1948–1949. PART 1. “HE WANTS TO BE A MARTYR, BUT I WOULD NOT DO HIM THIS FAVOUR”

Margit Balogh,

Doctor of the HAS,
Chief Leading
Researcher Institute of History,
Centre for the Humanities
Postal address: Tóth Kálmán u., 4,
Budapest 1097 Hungary
E-mail: balogh.margit@btk.mta.hu

Abstract

As a result of the intense political struggle after the Second World War, the Catholic Church, led by Cardinal József Mindszenty, Archbishop of Esztergom, remained the only independent institution in Hungary. This study deals with the political process against Mindszenty and his show-trial. On 26 December 1948, Cardinal Mindszenty was taken into police custody, having been accused of treachery, espionage, foreign currency manipulation, and conspiring to overthrow the republic. All of these charges were stereotypical accusations made by totalitarian regimes. There were seven defendants in the Mindszenty case, comprising three groups: “legitimist conspirators”, “traitorous spies”, and the “foreign currency speculators”, who were the alleged financiers of the conspiracy. The world was shocked to hear of the arrest of the Hungarian primate, Cardinal Mindszenty. The Holy See imposed the gravest discipline on Catholics. Mindszenty was interrogated immediately after his arrest. He initially stood firm. The subsequent interrogation records clearly reflect, however, the methods of the State Protection Authority: a series of self-accusatory and factitious sentences are to be found in the manipulated texts. This article is based on documents held by the Hungarian National Archives, the Historical Archives of the State Security Services, the Esztergom Primate Archives, the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation, the National Archives and Records Administration (USA), and others.

Keywords

Arrest of a Hungarian Cardinal, conspiracy, coronation, diplomacy, Holy See, martyrdom, overthrow the republic, people’s court, political parties in Hungary, political police, Pope Pius XII, propaganda, Roman Catholic Church in Hungary, show trial

Received 19 February 2020.

How to cite: Balogh, M., 2020. Arrest i sudebnyi protsess nad kardinalom Iozhefom Mindsenti v 1948–1949 gg. Chast’ 1. “On khochet stat’ muchenikom, no ia ne okazhu emu etoi liubeznosti” [Arrest and Conviction of Cardinal József Mindszenty 1948–1949. Part 1. “He wants to be a martyr, but I would not do him this favour”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no. 1–2, pp. 73–88.

В XVI в. солдаты Франсиско Писарро, оккупировавшие империю инков, приговорили ее последнего правителя Атауальпу к сожжению на костре. Но когда тот согласился перед казнью принять крещение, из милости его задушили. В XVII в. маньчжуры завоевали Китай и для упрочения своей власти отстранили китайцев от руководящих должностей. Отстоявшая от них на несколько тысяч километров Османская империя была терпимее: тот, кто приносил клятву верности султану и переходил в ислам, мог рассчитывать на безбедное существование и карьеру. В истории не редкость, когда победитель просто сметает с пути побежденных или, правильно понимая свой интерес, позволяет, чтобы побежденные поклонялись его богам.

* * *

Арест кардинала Йозефа Миндсенти (1892–1975) и показательный процесс над ним в 1949 г. вызвали широчайший резонанс, о чем свидетельствуют журналистские репортажи, дипломатическая корреспонденция из Будапешта и воспоминания венгерских эмигрантов. Я посвятила более 20 лет написанию биографии Й. Миндсенти на основании ранее не использовавшихся источников из венгерских и зарубежных архивов. В статье предпринята реконструкция короткого, но крайне важного эпизода в его жизни. Помимо воссоздания героической борьбы кардинала, в статье развенчиваются некоторые популярные заблуждения, например, что процесс был инициирован советским руководством, или что Миндсенти последовательно выступал против переговоров между государством и церковью. В первой части статьи говорится о событиях, предшествовавших аресту, и времени, проведенном в заключении; во второй части рассказывается о двух судебных слушаниях и затянувшемся на полгода ожидании вынесения приговора, а также рисуется психоэмоциональный портрет примаса Римско-католической церкви Венгрии, именовавшего себя «самым ничтожным узником в стране».

В Венгрии, оказавшейся в сфере интересов СССР, рвавшиеся к власти левые силы были в более трудном положении, чем когда-то конкистадоры, маньчжуры или османы, поскольку у них не было своей военной базы, и они могли лишь постепенно усиливать влияние в государственных силовых органах. К тому же вхождение Венгрии в сферу интересов СССР было закреплено в международных соглашениях. Под его влиянием в Венгрии к 1948 г. постепенно избавились от большинства элементов буржуазного порядка. Лишь один духовный оплот и социальный институт не удалось уничтожить и покорить: религию и церковь¹.

¹ На русском языке см.: *Стыкалин А.С.* Кардинал Миндсенти на политической арене Венгрии (1945–1956 гг.) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 288–313; *Белякова Н.А.*

Йозеф Миндсенти начиная с того момента, когда 2 октября 1945 г. папа Пий XII поставил его во главе Римско-католической церкви Венгрии, делал всё от него зависящее, чтобы противостоять советизации и приходу к власти коммунистов-атеистов. Кардинал был твердо привержен своим убеждениям, исторической конституции, и ни мнение церковной оппозиции, ни собственные размышления о том, к каким последствиям для церкви это может привести, не могли поколебать его решимости. Запуганное общество со временем увидело «того, вокруг кого могут объединиться все венгры, кто близко к сердцу принимает восстановление страны, лежащей в скорбных руинах»². Характер, решительность и высокий пост выдвинули его на роль вождя оппозиции. Йозеф Миндсенти — как кардинал и Эстергомский архиепископ — не мог избежать predetermined, порой не совсем подходящей ему роли, и находясь во главе церкви, готовясь к мученичеству, он принял вызов³. Это был вопрос времени: когда первосвященника, вышедшего на битву после битвы, настигнет низведенное до инструмента партийной политики «правосудие».

СЦЕНАРИИ ЛИШЕНИЯ САНА

Когда в феврале 1948 г. заместитель председателя правительства, глава венгерских коммунистов Матяш Ракоши находился в Москве по случаю подписания советско-венгерского экономического соглашения, он заявил советским товарищам, что без труда найдет «хороших психиатров, которые признают Миндсенти душевнобольным»⁴. Иными словами, вопрос был не в том, нужно ли устранять Миндсенти с поста предстоятеля Римско-католической церкви Венгрии, но — каким образом. Ряд моментов указывает на то, что самого Ракоши устроило бы «более безболезненное» решение. Он часто повторял, что Миндсенти любой ценой «хочет стать мучеником, но я не окажу ему этой любезности, сделать из себя мученика»⁵. Посол

Кардинал Миндсенти — «неудобная» фигура в комбинациях холодной войны. Рец.: Balogh, Margit (2014) *Kardinal Josef Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischen Diktatur und kaltem Krieg*. Berlins Osteuropa Zentrum Berlin-Verlag, 2014. 672 S. // Государство — религия — церковь. 2017. № 1 (35). С. 322–333; Балог М. Между лояльностью и оппозиционностью: венгерская католическая церковь в «ловушке» церковной политики Яноша Кадара // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX в. / отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. М.: Нестор-История, 2014. С. 294–318.

² PL. Processus Josephi Card. Mindszenty — Mindszenty periratok (далее — Processus) 2. doboz (далее — d.). V-700/11. Fol. 39.

³ *Klímó A., von. Catholic identity in Hungary: The Mindszenty case // Hungarian Studies*. 2010. Vol. 24. N 2. P. 189–213.

⁴ Краткая запись беседы М.А. Сулова с М. Ракоши о положении в Венгрии и в компартии страны. 19 февраля 1948 г. // Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. В 2 т. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. I. 1944–1948 / сост.: Н.В. Баринаева, Т.В. Волокитина, Т.М. Исламов и др. С. 761–762 (Док. № 259).

⁵ *Pünkösti Á. Rákosi a súcson, 1948–1953*. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1996. 76–77. old.

Венгрии в Париже Михай Каройи, который, по собственным признаниям, был равнодушен к делам католической церкви, призывал к осторожности и в одном из майских донесений цитировал многозначительный ответ советского посла в Париже А.Е. Богомолова на провокационный вопрос, может ли венгерское правительство арестовать Миндсенти: тот «лишь отрицательно покачал головой, но не проронил ни слова»⁶. Удивительно, но официальная позиция Москвы не поменялась и к осени. Посол в Будапеште Г.М. Пушкин лично заявил Ракоши, что не нужно спешить с устранением Миндсенти, не следует вступать в переговоры и заключать соглашения с церковью⁷. Очевидно, не стала секретом инициатива кабинета Ракоши связаться через Эгерского архиепископа Дюлю Цапика со Святым престолом, чтобы как-то решить будущее Миндсенти⁸. Но выяснилось, что в затруднительной ситуации Рим отправит в Венгрию папского нунция. Таким образом, раз, по мнению правительства, разжигаемую истерию нельзя было остановить мирными методами, в его арсенале остались только насильственные.

На партийной конференции 3 ноября 1948 г. Матяш Ракоши объявил о начале войны: «Демократия из оборонительной позиции переходит к решительному наступлению на католическую церковь. <...> Священников, политизирующих с кафедры, отправляют прямо в лагеря для перемещенных лиц, в тюрьмы»⁹. Запрет, увольнение, тюремное заключение стали ключевыми понятиями новой стратегии. Это была публичная речь, произнесенная перед узким кругом лиц. Тем временем политическая полиция подготовила личное дело Миндсенти — сведения о его выступлениях, письмах, прошлом. На одной из папок глава политической полиции Г. Петер написал характерным каллиграфическим почерком следующие слова: «Товарищ Ракоши, я подчеркнул те строки, на основании которых (когда придет время) можно будет привлечь Миндсенти к уголовной ответственности»¹⁰. Осенью 1948 г. началось новое наступление на церковь и Миндсенти: бесконечные демонстрации, газетные статьи, «разоблачения»; на рабочих местах и за школьной партией заполнялись «анкеты бдительности» и звучали требования найти управу на кардинала. Примас попал на страницы сатирического еженедельника, в котором высмеивали и пузатого буржуа,

⁶ М. Каройи — М. Ракоши, Париж, 31 мая 1948 г. // PIL. 274. f. 10/10. ő. e. 28-29. old. Опубликовано в: Károlyi Mihály levelezése. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2003. V. köt. 1945-1949 / szerk. T. Hajdu. 534. old.

⁷ Донесение посла Г.М. Пушкина о беседе с Михаем Фаркашем 14 октября 1949 г., Будапешт // АВП РФ. Ф. 077. Референтура по Венгрии. Оп. 28. П. 125. Д. 6. Л. 100.

⁸ Rákosi M. Visszaemlékezések 1940-1956. Budapest: Napvilág, 1997. 1. köt. 513-515. old.

⁹ Секретное донесение кардиналу от участника партийного совещания, обнаруженное в доме Миндсенти при обыске // ÁVTL. 3.1.9. V-700/11. 8-9. old.

¹⁰ Подготовительные материалы к суду над Миндсенти, 18 октября 1945 г. — 20 мая 1948 г. // PIL. 274. f. 248. ő. e. 172. old.

и не менее корпулентного, прячущего под сутаной оружие «клерикального реакционера». Прогрессисты левого толка опустили до сектантского фанатизма, пропагандой заправляла примитивная демагогия. Но здесь вступило в действие правило бумеранга: население стало высмеивать пошлую кампанию, сводки о состоянии общественных настроений вместо роста ненависти к примасу фиксировали усиление чувства уважения, и эти чувства разделяли некаатолики и атеисты.

УВЕРТЮРА

Первую проверку на прочность пришлось пройти секретарю примаса Андрашу Закару. 19 ноября 1948 г. прямо на улице, по дороге с заутрени во дворец примаса, его схватили сотрудники госбезопасности. Накануне ночью у него побывал американский дипломат венгерского происхождения Стивен Эндрю Коцак, который лишь двадцать лет спустя решился назвать подлинную цель визита: он пытался уговорить секретаря бежать вместе с кардиналом¹¹.

А. Закар поначалу отказывался давать показания, но через пару дней сделал первое пробное компрометирующее признание о политических намерениях и шагах Миндсенти¹². Затем Г. Петер, в очередной раз продемонстрировав высокий класс «ручного управления», запросил у Ракоши инструкции: «В каком направлении и как далеко идти дальше?»¹³. Направление в тот же день указал обыск во дворце примаса и ряд арестов потенциальных обвиняемых. 13 декабря был готов окончательный вариант признательных показаний Закара: этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы составить обвинительное заключение. Узнав об этом, министр иностранных дел Ласло Райк немедленно отменил только-только начавшееся в Риме дипломатическое зондирование¹⁴.

Итак, судьба Миндсенти была решена: о сделке не могло быть и речи, только полное уничтожение. Не хватало лишь одобрения Москвы. Без этого даже Ракоши не решился бы на арест пользовавшегося, как представитель Ватикана, дипломатической неприкосновенностью Миндсенти.

¹¹ Об этом говорится в дневнике главы венгерских пиаристов Винце Томека (1892–1986), запись от 10 октября 1971 г. Дневник хранится в центральном архиве ордена в Риме. В работе над статьей была использована копия документа, любезно предоставленная монахом ордена францисканцев Кальманом Перегрином.

¹² Протокол допроса А. Закара, 19 ноября и 22 ноября 1948 г. // *ÁVTL*. 3.1.9. V-700/2. 120–130. old. Замечу, что готовность Закара к сотрудничеству объясняется полученным им от кардинала освобождением от сохранения служебной тайны.

¹³ MNL OL. M-KS 276. f. 67/215. ő. e., kézírásos feljegyzés. Fol. 20/a.

¹⁴ «Венгерское Министерство внутренних дел получило сведения, которые не позволяют и в дальнейшем проводить в отношении Йозефа Миндсенти прежнюю корректную и выжидательную политику». Л. Райк, министр иностранных дел — Л. Величу, послу в Риме, Будапешт, 14 декабря 1948 г. // MNL OL. XIX-J-1-j-IV-14-15. főszám/1948. Vatikán TÜK-iratok.

Ракоши попросился на прием к Сталину, что можно назвать событием исключительной важности: в 1946–1949 гг. он встречался с генералиссимусом ровно пять раз. О том, как это происходило, не известно почти ничего, но с уверенностью можно сказать, что в ночь с 16 на 17 декабря 1948 г., с 22 ч. 5 мин. до 1 ч. 15 мин. Ракоши находился в Кремле и большую часть времени провел в приемной генсека. Когда же дверь кабинета от силы на 15 минут для него приоткрылась, Сталин принял его в обществе трех румынских политиков. Именно тогда Ракоши мог задать волновавший его вопрос: можно ли подвергнуть кардинала тюремному заключению? Сталин не любил отдавать приказы при свидетелях. Скорее, он великодушно предоставил самому Ракоши право поступить так, как тот считал нужным. Можно предположить, что Сталина мало волновал вопрос жизни или смерти какого-то венгерского священника: в глазах православных католицизм был хуже язычества, о чем он помнил со времен обучения в духовной семинарии. В этом его могла поддержать и румынская делегация: Георгиу-Дежу доставляла немало неудобств оппозиция католического клира его коммунистическим преобразованиям.

По возвращении из Москвы у Ракоши не оставалось ни малейших сомнений. 23 декабря был проведен обыск в Эстергоме. Секретарь примаса Закар отвел полицейских в подвал резиденции и показал им футляр с «секретным архивом», который они вместе с Миндсенти закопали 27 октября. «Разоблачительная» фотография с находкой обошла мир: долговязый худой священник (Андраш Закар) вместе с другим, коренастым (Янош Фабиан) указывают на металлический футляр, который в лучшие времена служил для хранения карт. Долгое время считалось, что это подделка, но сегодня доподлинно известно, что и футляр, и документы в нем действительно существовали. Закар не сжег компрометирующие бумаги, только из осторожности в конце писем ножницами вырезал имена отправителей. Оловянный футляр как вещественное доказательство вина хранили до осени 1956 г., затем в образовательных целях передали в Школу следователей им. О. Корвина, для использования в качестве наглядного пособия¹⁵.

Тем временем Йозеф Миндсенти со стоическим спокойствием готовился к неизбежному. Доверенным лицам он передал знаменитое письмо, которое следовало вскрыть в случае его ареста: «Nullius conspirationis particeps fui et sum. [Не был и не являюсь участником каких-либо заговоров.] Ни о каком отречении, расписках и пр. не может быть и речи. Если об этом говорят, это либо клевета, либо из-за невыносимого для человека насилия заведомо не имеет юридической силы»¹⁶. Он был тверд духом, но не был готов к тому, что с ним случится в ближайшее время.

¹⁵ ÁBTL 3.1.9. V-700/7.2. kötet. V.II.461/1950. sz. végzés, Budapest, 1952. október 23.

¹⁶ PL. Processus. 1. d. V-700/1. Fol. 271. Mindszenty József kéziratoss feljegyzése, k. n. Письмо попало в посольство США в Будапеште, оттуда — к английским дипломатам, которые немедленно переправили его в Лондон.

АРЕСТ

Левые «решили» вопрос силой: после дипломатических и политических колебаний 26 декабря 1948 г., во второй день Рождества, в 6 ч. вечера по обвинению в 1) предательстве, 2) действиях, направленных на уничтожение республики, 3) шпионаже и 4) валютных спекуляциях, этом шаблонном наборе обвинений, используемых тоталитарными режимами, Йозеф Миндсенти, кардинал Святой римско-католической церкви, венгерский примас, Эстергомский архиепископ был подвергнут полицейскому аресту. Дату выбрал лично Матяш Ракоши, без согласования с членами Совета министров. После заседания 23 декабря 1948 г. правительство в следующий раз собралось только 31 декабря. Заседание началось с того, что Ракоши поздравил с 50-летием председателя Совета министров Иштвана Доби — «простого сына своего народа». Только после этого министр внутренних дел Янош Кадар проинформировал об аресте Миндсенти¹⁷.

В период между 19 ноября 1948 г. и серединой января следующего года вместе с примасом были арестованы 20 человек¹⁸. В январе Управление государственной безопасности провело «отбор фигурантов»: в конце концов по делу Миндсенти обвинения были предъявлены семерым. Их можно разделить на три группы (по формальным основаниям для ареста): «заговорщиков-легитимистов» (Юстин Бараняи, Андраш Закар), «шпионов — предателей родины» (Бела Ишпанки, Ласло Тот) и «валютчиков», спонсировавших заговор (Пал Эстерхази¹⁹, Миклош Надь). Все три группы объединяла фигура примаса как руководителя заговора. Из этих семи пятеро были рукоположенными священниками, но появляться на слушаниях в белом священническом воротничке позволили только Миндсенти и его секретарю. Из светских лиц Пал Эстерхази был крупным землевладельцем, а Ласло Тот — журналистом. «Остальные» 13 человек выступали «только» свидетелями по делу; позднее, как это нередко происходило в 1950-е годы при отправлении правосудия, они признали вину в менее масштабных судебных делах.

В мире арест предстоятеля Римско-католической церкви Венгрии вызвал волну возмущения. Информационные агентства передавали нескончаемый поток правдивых и ложных новостей. Реакция Святого престола была самой резкой: с 28 декабря 1948 г. все, кто «поднял руку на Его Преосвя-

¹⁷ Протокол заседания Совета министров, 31 декабря 1948 г. // MNL OL XIX-A-83-a/270. sz. Fol. 2.

¹⁸ A Mindszenty-per / szerk. J. Gergely, L. Izsák. Budapest: Reform Rt., 1989; Mindszenty József emlékezete / szerk. J. Török. Budapest: Márton Áron Kiadó, 1995 (Studia Theologica Budapestinensia. Vol. 13); Kahler F. A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány, 1998.

¹⁹ Gergely J. Fürst Pál Esterházy im Mindszenty-Prozess // Paul Esterházy, 1901-1989: Ein Leben im Zeitalter der Extreme / hrsg. von S.A. Lütgenau, Innsbruck; Vienna; Bozen: Studien Verlag, 2005. S. 85-131.

шенство кардинала Римской церкви, Эстергомского архиепископа Йожефа Миндсенти», отлучался от церкви²⁰. Всего за нескольких дней канцелярия папы Пия XII оказалась завалена телеграммами: архиепископы и епископы, тысячи верующих и священников выражали сочувствие и возмущение. У венгерских дипломатических представительств собирались толпы протестующих. По сути, случившееся одобряла только международная коммунистическая пресса. В Венгрии мирное рождественское настроение сменилось возмущением. В прессе появился ряд не просто гнусных, но полных ненависти статей. Авторы не жалели эпитетов, изо дня в день кардинала клеймили как «труса», «мерзавца», «червяка», «безумца», «преступника» и пр.; самым хлестким, возможно, был ярлык «проповедника смерти»²¹. Красноречиво молчали только католические средства массовой информации.

В сводках правительству о состоянии общественного мнения говорилось о смешанных чувствах отчаяния и возмущения, бессилия и ужаса. То здесь, то там Миндсенти называли мучеником. Безудержная демагогия, помноженная на страх, давала двойной эффект. Даже если толпа не кричала «Распни его!», то в обстановке ледящего душу страха и потоков лжи нашлись католические священники и верующие, которые начали вести себя «по-умному». Конференция епископов не выступила открыто против ареста примаса, хотя паства ждала хотя бы одного публичного молебна или письма протеста. И пастыри, и паства, по понятным причинам, испугались.

39 ДНЕЙ СЛЕДСТВИЯ В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ

Общественное мнение не всколыхнулось даже тогда, когда в Будапеште, в доме 60 на проспекте Андраши, в знаковом месте политического террора²², полным ходом началось следствие по делу кардинала под руководством подполковника Дюлы Дечи в полном соответствии с инструкциями, полученными от Ракоши²³.

На основании материалов из 70 толстых папок, подготовленных в ходе расследования, события можно восстановить с точностью до дня. Сразу после ареста Миндсенти допрашивали с 23 ч. до рассвета следующего дня. О том, что произошло, можно лишь догадываться по полным драматизма словам из протокола: «Я подвергся великому унижению, самому сильному в моей жизни, и, послушайте, каким голосом со мной говорили во время

²⁰ Documents Pontificaux de Sa Sainteté Pie XII 1948 / réunis et présentés par R. Kothen. Paris; Louvain: Lebargerie-Warny, 1950. P. 464–465.

²¹ A halál prédikátora // Szabad Nép. 1948. 17 X. 6. évf. 240. sz. 5. old.

²² В 1940 г. Партия «скрещенные стрелы» устроила в здании штаб-квартиру, в феврале 1945 г. в него въехала новая политическая полиция. В подвальном этаже была оборудована тюрьма. С 2002 г. здесь действует Музей «Дом террора» (*Terror Háza Múzeum*).

²³ Ракоши писал в «Воспоминаниях», что регулярно получал от главы Управления государственной безопасности Г. Петера протоколы допросов Миндсенти. См.: *Rákosi M. Visszaemlékezések 1940–1956*. 712. old.

допроса, и что происходило в соседней комнате, мне нелегко дались самообладание и какая-никакая готовность к продолжению разговора... Эта унижительная, грязная речь, которой я стал свидетелем, глубоко удручает, что культурные венгерские полицейские могут так грубо выражаться. <...> Они не могут быть вежливыми с иерархом церкви, с кардиналом, одним из 51-го во всём мире, и венгерскую полицию не смущает такое поведение»²⁴. Возмущение Миндсенти относилось не к избиениям, но к грубому и унижительному обращению. На фоне охранников-хамов руководивший расследованием Д. Дечи был сама вежливость. Он называл Йозефа Миндсенти исключительно князем-примасом, допрос именовал «разговором», как если бы речь не шла о серьезном преступлении. Миндсенти на вопросы отвечал осторожно, лаконично, не называя имен, часто говорил «не помню». Какие бы мысли ни приходили ему в голову в холодной тюремной камере, он, должно быть, удивлялся, что о нем известно гораздо больше, чем он когда-либо мог предположить.

За доброжелательным разговором последовала настоящая УГБ-шная, безжалостная ночь. Чего не добились ласковым словом, решили выбить дубинкой. «Я не хотел подписывать протокол, потому что на бумаге были не мои признания, а это уже, простите, фальсификация. <...> Меня увели в соседнюю комнату и там, извольте, майор бил меня резиновой дубинкой, полуголого, и когда я уже не мог терпеть, понимаете, забрался (под стол. — М. Б.)»²⁵, — рассказал примас адвокату об обстоятельствах составления протокола несколько недель спустя. Так был составлен первый протокол, все три страницы которого Миндсенти собственноручно подписал²⁶. Третья подпись искажена до неузнаваемости, как будто его терзала боль, ему стало плохо или он потерял сознание, и имя соскакивает на самый край страницы. И всё-таки ему хватило сил к каждой подписи добавить две буквы: с. f.

Матяш Ракоши, которого больше всего бесило, что Миндсенти через два дня после ареста подал прошение об обжаловании решения о предварительном аресте, обратил внимание на необычную подпись. Г. Петер на вопрос о значении букв только и смог ответить, что это «какая-то религиозная ерунда». Но Ракоши возразил: «Нет, это не религиозная ерунда, это значит “ни слова правды”»²⁷. Действительно, буквы «с. f.» означали не что

²⁴ Расшифровка стенограммы допроса Миндсенти, вечер 27 декабря 1948 г. // ÁBTL 3.1.9. V-700/5. Fol. 21-22. Следует отметить, что в то время число кардиналов составляло 70 человек. Однако при Пие XII 15 кардинальских шапок были вакантны, а некоторые в этот период скончались.

²⁵ Вторая беседа кардинала Йозефа Миндсенти с адвокатом, д-ром Кальманом Кицко, Будапешт, 28 января 1949 г. // ÁBTL 3.1.9. V-700/5. Fol. 136-138.

²⁶ Сфабрикованный протокол допроса, Будапешт, 27 декабря 1948 г. // PL. Processus, 1. d. V-700/1. Fol. 19-20.

²⁷ Рукопись Г. Петера «Mi az igazság?» («Что есть истина»), 10 июля 1956 г. // MNL OL M-KS 288. f. 9/1962/51b. 27. old.

иное, как «*coactus feci*», или «сделал под принуждением». Наказанием священнику стала резиновая дубинка²⁸. Впоследствии кардинал крайне редко говорил о деталях физических наказаний. В 1960 г., подавленный известием о кончине матери, он признался одному французскому журналисту, что «часто пускалась в ход “*matraque*” (резиновая дубинка. — *М. Б.*), и ему пришлось перенести самые разные формы телесных наказаний; взгляд кардинала мрачнеет, когда он вспоминает о невыносимых страданиях, которым его подверг мастер пыток — майор УГБ, допрашивавший с пристрастием с 10 час. вечера до 5 час. утра. К тому же, допросы проходили круглосуточно. Его лишили сна и отдыха (тюремщики были негодяями, они намеренно унижали, мучали и калечили кардинала). Поскольку он опасался, как бы ему не дали наркотического вещества, то в течение 13 дней не принимал пищу, что только усугубило телесную слабость. Ко всему прочему, он не мог принимать лекарства от базедовой болезни (гипертиреоза), от которой давно страдал, поскольку к нему не допускали лечащего врача. Могло случиться так, что перед судом предстала бы человеческая развалина»²⁹.

Новые протоколы допросов от 5, 9 и 11 января 1949 г. уже соответствовали методам УГБ: страницы пестрят самооговорами, общий тон — очень осторожный. Но Ракоши был недоволен на скорую руку составленными следственными материалами, по его мнению, «политику крайне затрудняет работа людей, не имеющих представления о государственной безопасности»³⁰. В конце концов, он просто продиктовал, чего ждет. В соответствии с полученными инструкциями, протоколы допросов неоднократно дописывались и переписывались. Словами жонглировали до тех пор, пока они не подходили под предъявляемые обвинения. Так невинная встреча превратилась в «секретную сходку», поиск безопасного места для хранения короны стал «возвращением на престол короля». «Проект» сводного протокола полон исправлений, вставок, редакторских правок, и в ряде мест почерк явно не князя-примаса³¹.

²⁸ «Буквы *c. f.* (*coactus feci*) означают насилие, тем самым я хотел дать понять, что дал признательные показания под принуждением». См.: Собственноручная записка Й. Миндсенти, Будапешт, 3 января 1949 г. // PL. Processus, 1. d. V-700/1. Fol. 9.

²⁹ Записка советника французского посольства Эдуарда Ютта: интервью с кардиналом Йозефом Миндсенти, 5 февраля 1960 г. // Archives du Ministère des Affaires étrangères, Archives diplomatiques, Série: Europe, 1956–1960, sous-série: Hongrie, dossier: 103. Questions religieuses, juillet 1958 — décembre 1960. P. 221. Копию интервью см.: NARA. RG 84. Foreign Service Posts of the Department of State. Hungary, Budapest, Subject Files Relating to Cardinal Mindszenty 1956–1972, Entry 2691-B, Box 1, Mindszenty-Classified 1960, 570.3 Religion (Mindszenty).

³⁰ Машинописная неподписанная записка // MNL OL M-KS 276. f., 65/356. б. е. Fol. 39. Замечу, что впоследствии Ракоши был точно так же недоволен результатами допроса в ходе процесса над Л. Райком: «Стучал по столу, что УГБ-шники ничего не понимают, и дело стоит на месте». См.: MNL OL M-KS 288. f. 9/1962-51/a. б. е. 10. old.

³¹ Проект сводного протокола допроса Й. Миндсенти // PL. Processus, 1. d. V-700/1. Fol. 147-167.

Один из самых важных документов — самообличительное признание, помеченное 11 января. Начало текста, возможно, было надиктовано: неровные буквы словно отражают внутренние душевные терзания. Позднее Миндсенти придумал, как дать об этом знать: стал делать грубые грамматические ошибки в тексте. Абсолютно исключено, чтобы всегда особо внимательный к правописанию, не одно десятилетие писавший и редактировавший тексты ученый иерарх допускал бы такие огрехи (ко всему прочему он «перепутал» дату, когда был назначен князем-примасом). Тем самым он, несомненно, посылал сигнал в будущее. К строптивой уловке, буквам с. f., он больше не прибегал, у него не было других способов дать знать благочестивому читателю: «Не верь глазам своим, ибо то, что ты читаешь, ложь!» В мемуарах, вышедших в свет в 1974 г., Миндсенти прямо назвал эти признания подделкой и назвал имена фальсификаторов: Ласло Шульнер с супругой Ханной Фишхоф. Оба были графологами и 6 февраля 1949 г. — в разгар судебного процесса — сбежали в Австрию³². Достоверная информация об их роли содержится в показаниях, записанных в лагере беженцев и хранящихся в американских архивах³³. После их бегства стало невозможно выдавать за признания, письма и записи Миндсенти те документы, которые на самом деле были подделаны четой графологов. Ласло Шульнер указал на три «доказательства», которые изготовил лично он, что же касается признательных показаний 11 января, заявил, что это *не подделка*, но написано лично примасом. (Ибо если бы документ изготовили он или его жена, в тексте не было бы стольких примитивных ошибок.) По ряду особенностей почерка графолог определенно заявил, что это писал кардинал, но не составило труда доказать, что он писал под давлением. К тому же выводу в 1989 г. пришли специально приглашенные судебные эксперты: «Это рука Миндсенти, но дух ему чужд».

За самоговор Миндсенти был вознагражден: с 13 января он вновь мог служить службы у себя камере³⁴. Разрешение отправлять службу³⁵ — как средство поощрения и наказания — стало формой психологического давления и было направлено на разрушение личности: заключенный — пусть подсознательно — видит, что может удовлетворять свои повседневные духовные потребности только через «товарообмен» (за подпись, за признание). Через пару дней был готов новый протокол допроса. Даже неискушенному

³² *Mindszenty J. Emlékirataim.* Budapest: Helikon Kiadó, 1989. 276. old.

³³ Показания Л. Шульнера и Х. Фишхоф, данные под присягой, Зальцбург, 18 марта 1949 г. // NARA RG 59. General Records of the Department of State. Bureau of European Affairs, Office of Eastern European Affairs, Records Relating to Hungary 1941-1977, Entry A-1(5577), Lot 71 D 313, Box 9, Sulner Case.

³⁴ Запись Й. Миндсенти, 31 марта 1949 г. // PL. Processus, 12. d. V-700/33. Fol. 250.

³⁵ Миндсенти служил службы 30–31 декабря 1948 г., 1 января 1949 г., затем последовал 12-дневный перерыв, и вновь разрешение служить было получено только 13 января. См.: Запись Й. Миндсенти, 31 марта 1949 г. // PL. Processus, 12. d. V-700/33. Fol. 250.

читателю с первого взгляда ясно, что он написан под диктовку: в нем содержатся столь кондовые обороты речи, что вряд ли кто-то написал бы такое по доброй воле, не говоря уже о высокообразованном, посвятившем себя служению Богу иерархе церкви. Каждая страница подписана красноречиво свидетельствующей о его подавленном состоянии, но подлинной подписью.

Миндсенти неустанно искал пути выхода на свободу. Иногда грамотно, иногда бездумно. 29 декабря он опротестовал постановление прокуратуры о своем аресте. Запросил в камеру уголовный кодекс, чтобы подготовиться к слушаниям. Когда прокурор Дюла Алапи 21 января ознакомил его с обвинительным заключением, решительно отрицал виновность: «Я понял инсинуации, виновным себя не признаю»³⁶. Уверенность в себе говорит о ясной голове и внутренней решимости. Но он тут же мог проявить крайнюю степень наивности и принять на веру слова волка в овечьей шкуре: провокатор из УГБ подбивал его на побег, предлагал направить письмо с просьбой о помощи американскому послу. Кардинал не почувствовал подвоха и написал три компрометирующих его письма Селдену Чапину: два 7 января и еще одно 23 января. Сомнений в их подлинности нет, они написаны со всей интеллектуальной мощью Миндсенти, но ему явно изменила способность к трезвому анализу. Он поверил даже тому, что его спасение откладывается, потому что поле, выбранное в качестве взлетной полосы, нужно очистить от кротовых нор, чтобы случайно не сломать шасси... *Оригиналы* всех трех писем осели в следственном деле УГБ, а это значит, что *ни одного* из них провокаторы из УГБ *не передали* сотрудникам американской миссии, точнее *передали, но другие письма*. Из дипломатических донесений известно: человек, назвавшийся тюремным охранником, принес письмо, предположительно написанное Миндсенти, в посольство США³⁷. Весь трюк, точнее ловушка, с побегом преследовал двойную цель — *скомпрометировать и получить доказательства*. В этой системе координат правдивость деталей не имеет значения, потому что факт написания письма сам по себе подтверждает намерение сбежать. На суде Миндсенти не отрицал подлинность писем, но лишь десятилетия спустя рассказал о факте принуждения³⁸.

До судебного процесса оставалось еще две недели, за это время предстояло заставить кардинала открыто признать себя виновным. Какие карты были в руках у политической полиции? В последние недели содержания в предварительном заключении к кардиналу применяли метод кнута и пря-

³⁶ Протокол прокурорского допроса Й. Миндсенти, Будапешт, 21 января 1949 г. // PL. Processus, 1. d. V-700/1. Fol. 169. Копию см.: ÁBTL 3.1.9. V-700/56a. Fol. 36.

³⁷ Донесение посла С. Чапина № 81, 8 февраля 1949 г. // NARA RG 59. General Records of the Department of State. CDF 1945-49, Box 6888, 864.404/2-849. В приложении — листок бумаги с собственноручной припиской Миндсенти: «M. testvér! Sürgösen eljuttatni Ch-hez. +J.» (Сестра М! Срочно передать Ч. +Й.).

³⁸ Gyarmati Gy. A Mindszenty-ügy «diplomáciai» rendezésének kudarca // Történelmi Szemle. 2000. Vol. 42. évf. 1-2. sz. 69-90. old.

ника. Из этого он сделал вывод, что на воле происходят важные события, не исключено, что дело дойдет до освобождения, поэтому-то тюремщики так с ним обращаются. Новостей он не получал, поэтому не знал, что папа римский приказал епископской конференции уклоняться от любых переговоров. Обвинительное заключение, а еще более адвокат его напугали. Появилось чувство, что суд может закончиться вынесением смертного приговора! Разочарование принесло примасу общение с адвокатом, который постоянно сообщал не о проявлениях сочувствия, но об осуждении, в том числе со стороны епископов. Миндсенти с удивлением обнаружил, что остался один, рассчитывать на помощь извне не приходилось. Он пребывал в полной растерянности: бежать, вести переговоры, слушаться, принять унижение или отправиться на виселицу? В нем одновременно зрело сознание мученического призвания главы церкви, приносящего себя в жертву возлюбленному народу, и нарастал страх простого человека, впавшего в отчаяние и ищущего пути спасения. После предательства и разочарования в нем окрепла воля к жизни: защищаться, сделать всё, чтобы выйти из этого судебного процесса победителем — живым. Ведь только живым он мог что-то сделать для церкви и родины. Об этой внутренней борьбе говорят впечатления адвоката К. Кицко: «Его состояние удовлетворительное, но боится смерти и надеется на благоприятный исход»³⁹.

Воспользовавшись отчаянием кардинала, его душевной надломленностью, ему с легкостью устроили новую ловушку. Руководивший следствием Д. Дечи убедил Миндсенти подать прошение на имя министра юстиции Иштвана Риса: признать ошибочность своей церковной политики, предложить «временный» отход от дел и попросить прекращения судебного процесса. С чужих слов, под диктовку, но он написал и подписал прошение. 30 января с пришедшим его исповедовать епископом Миклошем Дудашем он завел разговор о содействии епископской конференции⁴⁰. Кардинал говорил о том, что нарушил государственные законы — растерянный примас в душе постепенно перестроился с борцовского сопротивления на покорное согласие. Накануне начала слушаний в суде, 2 февраля, он попросил главу УГБ об удовлетворении своего «прошения об отходе от дел»⁴¹. Теперь Ракоши играл с узником-примасом, как кошка с мышкой. Он хотел стереть его в порошок, не мог отказать себе в «удовольствии», чтобы Миндсенти перед страной и миром признал себя виновным. Таким образом, об особом отношении не могло быть и речи⁴².

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

³⁹ Письмо, подписанное буквой «К», к Маргит Шлахте (той самой «сестре М.»), 1 февраля 1949 г. // Szociális Testvérek Társasága Történeti Irattára, 1241/83.

⁴⁰ Донесение, Будапешт, 30 января 1949 г. Тема: Прошение Миндсенти к правительству // ÁVTL 3.1.9. V-700/49. Fol. 178.

⁴¹ Й. Миндсенти — Г. Петеру, 2 февраля 1949 г. // PL. Processus, 12. d. V-700/33. Fol. 22-23.

⁴² Окончание статьи — в следующем номере журнала (Т. 15. № 3-4).

Список сокращений

- АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
 УГБ — Управление государственной безопасности
 ÁBTL — Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára, Budapest
 MNL OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
 NARA — National Archives and Records Administration, College Park, Maryland
 PIL — Politikatörténeti és Szakszervezeti Levéltár, Budapest
 PL — Prímási Levéltár, Estergom
 RG — Record Group

Литература

- Балог М.* Между лояльностью и оппозиционностью: венгерская католическая церковь в «ловушке» церковной политики Яноша Кадара // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX в. / отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. М.: Нестор-История, 2014. С. 294–318.
- Белякова Н.А.* Кардинал Миндсенти — «неудобная» фигура в комбинациях холодной войны. Рец.: Balogh, Margit (2014). Kardinal Josef Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischen Diktatur und kaltem Krieg. Berlin: Osteuropa Zentrum Berlin-Verlag, 2014. 672 s. // Государство — религия — церковь. 2017. № 1 (35). С. 322–333.
- Стыкалин А.С.* Кардинал Миндсенти на политической арене Венгрии (1945–1956 гг.) // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / отв. ред. А.И. Филимонова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 288–313.
- A Mindszenty-per / szerk. J. Gergely, L. Izsák.* Budapest: Reform Rt., 1989.
- Balogh M.* Mindszenty József (1892–1975). Budapest: MTA BTK, 2015. 1–2 köt.
- Gergely J.* Fürst Pál Esterházy im Mindszenty-Prozess // Paul Esterházy, 1901–1989: Ein Leben im Zeitalter der Extreme / hrsg. von S.A. Lütgenau, Innsbruck; Vienna; Bozen: Studien Verlag, 2005. S. 85–131.
- Gyarmati Gy.* A Mindszenty-ügy “diplomáciai” rendezésének kudarca // Történelmi Szemle. 2000. 42. évf. 1–2. sz. 69–70. old.
- Kahler F.* A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány, 1998.
- Klimo A., von.* Catholic identity in Hungary: The Mindszenty case // Hungarian Studies. 2010. Vol. 24. N 2. P. 189–213.
- Pünkösti Á.* Rákosi a csúcson, 1948–1953. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1996.

References

- Balogh, M., 2014. Mezhdú loial'nost'iu i oppozitsionnost'iu: vengerskaia katolicheskaia tserkov' v "lovushke" tserkovnoi politiki Ianosha Kadara [Between loyalty and opposition: the Hungarian Catholic Church "trapped" by the church policy of Janosh Kadar]. In: Murashko, G.P., Filimonova, A.I., eds, 2014. *Gosudarstvo i tserkov' v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy v period politicheskikh krizisov vtoroi poloviny XX v.* [The State and the Church in the USSR and Eastern Europe during the period of political crises of the second half of the twentieth century]. Moscow: Nestor-Istoriia, pp. 294–318.
- Balogh, M., 2015. *Mindszenty József (1892–1975)*. Budapest: MTA BTK, 1–2.
- Belyakova, N.A., 2017. Kardinal Mindsenti — "neudobnaia" figura v kombinatsiakh kholodnoi voiny. Rets. [Cardinal Mindsenty as an "uncomfortable" figure in Cold War combinations. Rec.] Balogh, Margit (2014) Kardinal Josef Mindszenty. Ein Leben zwischen kommunistischen Diktatur und kaltem Krieg. Berlin: Osteuropa Zentrum Berlin-Verlag, 2014. 672 s. *Gosudarstvo — religiia — tserkov'*, 1 (35), pp. 322–333.
- Gergely, J., 2005. Fürst Pál Esterházy im Mindszenty-Prozess. In: Lütgenau, S.A., ed., 2005. *Paul Esterházy, 1901–1989: Ein Leben im Zeitalter der Extreme*. Innsbruck; Vienna; Bozen: Studien Verlag, pp. 85–131.
- Gergely, J., Izsák, L., eds, 1989. *A Mindszenty-per*. Budapest: Reform Rt.
- Gyarmati, Gy., 2000. A Mindszenty-ügy "diplomáciai" rendezésének kudarcá. *Történelmi Szemle*, 42 (1–2), pp. 69–90.
- Kahler, F., 1998. *A főcsapás iránya: Esztergom. Mindszenty bíboros pere*. Budapest: Magyarországi Mindszenty Alapítvány.
- Klimo, A., von, 2010. Catholic identity in Hungary: The Mindszenty case. *Hungarian Studies*, 24 (2), pp. 189–213.
- Pütkösti, Á., 1996. *Rákosi a csúcson, 1948–1953*. Budapest: Európa Könyvkiadó.
- Stykalin, A.S., 2011. Kardinal Mindsenti na politicheskoi arene Vengrii (1945–1956 gg.) [Cardinal Mindszenty on the political arena of Hungary (1945–1956)]. In: Filimonova, A.I., ed., 2011. *Gosudarstvo i tserkov' v 20 veke. Evoliutsiia vzaimootnoshenii, politicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy*. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM", pp. 288–313.